

Чу Юнь наблюдал за легкой рябью на зеркальной глади озера, в которой дрожали и рассыпались лучи утреннего солнца. Он пил всё быстрее и быстрее, чувствуя, как внутри него, подобно яду, медленно нарастает глухое раздражение.

Ли Чжися, войдя в комнату и застав господина в таком состоянии, почувствовал, как у него неприятно сжалась кожа на голове от предчувствия грядущей бури.

Чу Юнь внезапно и резко встал, подошел к панорамному окну и тяжело прислонился лбом к холодному, безразличному стеклу.

Слишком тихо.

Вокруг царила такая оглушительная тишина, что он отчетливо слышал, как его собственное сердце превратилось в неистовую барабанную палочку. Оно с бешеной силой колотило по черепу и ворочалось внутри грудной клетки, словно одержимое желание пробить ребра и вырваться наружу.

- Господин, - осторожно донесся до него голос Ли Чжися.

Чу Юнь глубоко, с надрывом вздохнул. Сердце продолжало колотиться так яростно, будто в любой момент могло просто взорваться.

- Поехали туда, где есть люди, - приказал он, резко разворачиваясь. Выражение его лица было крайне неприятным и мрачным. - Сейчас же.

Он задыхался, словно находился на грани удушья, борясь с невидимой петлей на шее.

Ли Чжися больше не осмелился произнести ни слова, опасаясь спровоцировать вспышку гнева.

Машина снова выехала на дорогу и плавно устремилась вперед. Чу Юнь безучастно смотрел в окно на город, который медленно пробуждался под ласковыми солнечными лучами.

Вдруг он произнес:

- Я хочу в Париж.

Машина резко, с визгом тормозов замерла. У Ли Чжися мгновенно похолодело в спине; он застыл на месте, не в силах даже пошевелить шеей от неожиданности.

- Немедленно, прямо сейчас, - Чу Юнь продолжал смотреть в окно, добавив ледяным, не терпящим возражений тоном: - На максимальной скорости.

Машина снова тронулась. Ли Чжися крепче сжал руль, стараясь унять дрожь в пальцах, и ответил:

- Хорошо, господин.

В отличие от прежней гнетущей тишины, подземный паркинг нового здания был до отказа забит роскошными автомобилями. У каждого из них было свое закрепленное постоянное место, и, судя по количеству машин в такой час, можно было легко догадаться, что это заведение - место, где люди круглосуточно ищут сомнительных развлечений.

Двери лифта с тихим шелестом открылись, являя миру Чу Юня, который к этому моменту уже успел полностью сменить наряд. Он обновил не только одежду и обувь - вплоть до мельчайших аксессуаров, которые теперь вспыхивали холодным блеском в полумраке при свете ламп. Он выглядел совершенно иначе, чем тот подавленный и надломленный человек, которым был всего несколько минут назад.

На него обрушилась мощная волна звука, вибрирующие удары барабанов - в зале выступал музыкальный коллектив.

Телохранители у входа, увидев, что двери открылись, тут же синхронно нажали на гарнитур:

- Молодой господин Чу прибыл.

Чу Юнь шел с абсолютно бесстрастным лицом, не удостоивая взглядом ничего вокруг. Он уверенно пересекал коридор, залитый призрачным, неоновым светом.

На танцполе, где люди окончательно теряли счет времени, мужчины и женщины, высоко подняв бокалы, визжали от восторга и громко перешучивались.

Менеджер поспешно выбежал навстречу, услужливо и подобострастно спрашивая, не желает ли господин пройти в отдельный, более приватный кабинет.

Конечно, нет.

Здесь шум был настолько оглушительным, что полностью перекрывал навязчивый гул в голове Чу Юня, а мощная вибрация басов заглушала удары его собственного сердца.

Он был вполне доволен таким эффектом.

В этом заведении администрация была готова выполнить любое, даже самое эксцентричное требование клиента.

Это включало в себя и полное обслуживание молодого господина Чу в течение всего дня; они даже специально пригласили особого повара, заранее узнав о его предпочтениях, чтобы приготовить для него идеальный обед.

- Все счета, - Чу Юнь слегка приподнял подбородок, указывая на официантов и продавцов, видневшихся вдалеке, и обратился к менеджеру, который лично принес еду: - всё можно записать на мой счет.

Ли Чжися, давно привыкший к подобным жестам щедрости, спокойно встал и пожал руку сияющему от радости менеджеру.

Сегодня господин не позволит никому из персонала не выполнить план продаж.

- Не нужно устраивать лишней суеты, - Ли Чжися, опасаясь, что менеджер проявит чрезмерное рвение и случится нечто подобное тому, что произошло в прошлом клубе, поспешно добавил: - Молодой господин Чу хочет просто спокойно посидеть.

Спокойно? В таком месте?

Но менеджер ни на секунду не усомнился в своих силах:

- Конечно, у нас здесь очень тихо.

- ~~~~----- - в этот самый миг раздалось оглушительное, раздирающее пространство гитарное соло.

Выражения лиц обоих мужчин даже не дрогнули, они медленно разжали руки.

Кабинки были отделены полупрозрачным матовым стеклом. Постепенно клиентов становилось всё меньше, и, естественно, в этой зоне становилось всё тише.

Ли Чжися искренне не мог понять господина: неужели здесь ему действительно комфортнее, чем в собственном доме?

Он не знал ответа, да и в целом привык к внезапным и странным выходкам Чу Юня.

Весь день он провел, не выпуская из рук телефона: организовывал внезапный перелет господина в Париж, решал сопутствующие рабочие вопросы и попутно отчитывался перед начальством о точном местонахождении своего подопечного.

Странно было лишь то, что господин Цзян, который обычно молниеносно отвечал на все рабочие сообщения, сейчас хранил полное молчание.

Ли Чжися тут же забил внутреннюю тревогу, мысленно прокручивая в голове последние события: не совершил ли он чего-то вопиющего или недопустимого?

Казалось, нет.

После отъезда господина его главной и единственной задачей было неотлучно следовать за Чу Юнем по строгому маршруту «особняк - галерея «Наследие»».

Это осознание немного его успокоило.

Авиамаршрут всё еще находился в стадии согласования, заметного прогресса не было. После этого он просто сел у ног Чу Юня и под грохочущие ритмы музыки послушно ждал команды ехать домой или иных распоряжений.

В темноте люди легко теряют ощущение времени, но телефон оставался беспристрастным.

Экран показывал, что уже наступил вечер.

Ли Чжися украдкой взглянул на Чу Юня, который сосредоточенно возился с телефоном. Он искренне не понимал, откуда у этого человека берется столько неисчерпаемой энергии.

Ли Чжися втайне восхищался Чу Юнем.

Утром тот выглядел совершенно подавленным и изможденным из-за недосыпа, но, сменив одежду и придя сюда, он словно превратился в другого человека. Казалось, это шумное, хаотичное место подпитывало его энергией, снова делая его острым, живым и властным.

Приближался пик ночной жизни, в заведении становилось еще оживленнее.

Чу Юнь всё это время листал что-то в телефоне, но взгляд его не был сфокусирован на тексте. Если он долго не проявлял активности, экран блокировался, но он тут же разблокировал его снова и продолжал смотреть.

Именно потому, что вокруг было бесконечно шумно, Чу Юнь, занимаясь этим, оставался рассеянным и не чувствовал привычного раздражения.

«Что он... делает сейчас? В это время он уже спит?»

Чу Юнь слегка нахмурился.

Он уставился в экран телефона, прищурился, внезапно заблокировал устройство и, словно пытаясь скрыть свои мысли, повернул голову, глядя на танцующие тени вдалеке.

- Вау!

- Пей! Пей! Пей!

- Уху! Спасибо, молодой господин У!

В кабинках по диагонали впереди раздались пронзительные, почти истеричные возгласы, сопровождаемые звуком вылетающих пробок и резким запахом дорогого алкоголя, разлитого в воздухе.

В зале, помимо основной музыки, включили особый праздничный трек, и удары барабанов хаотично, с нажимом били по барабанным перепонкам.

Ли Чжися рефлекторно вскочил, заслоня собой Чу Юня. Опыт подсказывал ему, что в такие моменты неизбежно полетят брызги шампанского и начнутся неконтролируемые, буйные движения.

Он слишком часто видел подобные сцены: очередной богатый отпрыск сорит деньгами ради мимолетной забавы.

Стоило открыть бутылку дорогого вина, как сопровождающие его мужчины и женщины начинали визжать в неопишемом восторге.

Звуки игры в кости и крики в такт тяжелым басам казались пронзительными, и Ли Чжися

невольно взглянул в сторону шума.

Он присмотрелся и вдруг узнал, кто там развлекается.

У Чао.

У Ли Чжися нервно дернулся глаз. Это не было «встречей старых врагов на узкой тропе», но он искренне считал, что лучше бы господин этого не видел.

Хотя, судя по характеру их господина, У Чао наверняка не запомнил ни его имени, ни лица, но если У Чао вдруг узнает их господина, это тоже не сулило ничего хорошего.

В таких местах потеря лица для молодых господ становилась событием вселенского масштаба, и ради спасения своей репутации они были способны на любые, даже самые отчаянные глупости.

Предотвращение подобных последствий также входило в круг обязанностей Ли Чжися.

- Чжися.

Чу Юнь внезапно позвал его, заставив помощника вздрогнуть.

Ли Чжися поспешно наклонился к нему, чтобы расслышать слова.

Чу Юнь смотрел вдаль, выглядя слегка озадаченным.

Он молчал, и Ли Чжися, тоже заинтригованный таким вниманием, посмотрел в том же направлении и вместе с Чу Юнем застыл на месте.

Сквозь мерцающие огни и извивающиеся толпы танцующих, мужчина, полулежавший у барной стойки и лениво махавший рукой в такт общему веселью, обладал настолько выдающейся

внешностью, что его было легко узнать с первого взгляда, только вот...

Он не осмеливался поверить своим глазам.

- Это он? - Чу Юнь приподнял бровь и странно, почти хищно усмехнулся.

Ли Чжися буквально остолбенел, не в силах отвести взгляд.

Шелковая рубашка незнакомца была вызывающе распахнута, обнажая кожу от ключиц до самой груди, которая в неоновом свете казалась почти сияющей. Несколько непослушных, влажных прядей волос падали на лоб, обрамляя пару смеющихся, пугающе легкомысленных «персиковых» глаз.

Э-э...

Ли Чжися в оцепенении кивнул, давая утвердительный ответ:

- Это... э-э, доктор... Жуань?

Неужели это действительно тот самый Жуань Цинжан, который всегда безупречно носил застегнутую на все пуговицы рубашку, поправлял золотые очки и говорил мягко, рассудительно, создавая вокруг себя ауру абсолютного спокойствия? Человек, который внушал ощущение, что даже если всё небо рухнет на землю, он выдержит этот удар с невозмутимым видом?

А? Это действительно он?

- Я же говорил, что он лис, - фыркнул Чу Юнь. - Только...

Он внезапно замолчал и плотно поджал губы, оборвав на полуслове фразу «он бы поверил».

Странное, иррациональное раздражение нахлынуло на него вновь, заполняя всё пространство внутри.

Жуань Цинжан, полулежа у барной стойки, запрокинул голову, медленно выпивая содержимое бокала, а затем, прищурившись, с легким вызовом раскусил оливку. Ли Чжися невольно сглотнул слюну – он почти физически почувствовал, как терпкий сок брызнул во все стороны, и этот образ показался ему слишком резким.

- Господин, – тихо позвал Ли Чжися. – К доктору Жуаню... кажется, кто-то подошел.

Чу Юнь нахмурился. Какой-то человек с бокалом в руке, заметно шатаясь, приближался к Жуань Цинжану. Его рука бесцеремонно тянулась к обнаженному предплечью доктора. В таком месте и с такой позой намерения этого человека были более чем очевидны.

Жуань Цинжан, казалось, совершенно не обращал на это внимания. Все они были взрослыми людьми, и в таком состоянии, под воздействием алкоголя и музыки, было трудно понять: делает ли он это добровольно или же подвергается настойчивым домогательствам.

Чу Юнь наблюдал за этой сценой некоторое время, пока чужая рука почти не коснулась кожи Жуань Цинжана.

- Сходи посмотри, – приказал он. – Если нет проблем, не лезь.

Ли Чжися коротко ответил и быстро, стараясь не привлекать внимания, пробрался сквозь плотную толпу.

Чу Юнь с нарочитым отсутствием интереса отвел взгляд.

Он вдруг подумал о том, что люди – действительно странные, противоречивые существа. Можно закутаться с ног до головы, надеть строгие золотые очки и сидеть в стерильном кабинете, виртуозно играя роль авторитетного директора клиники, а можно в один миг снять очки и одежду и превратиться в баре в распутного, жаждущего наслаждений гуляку.

Интересно, смог бы он сам провести себе психологическую консультацию? Что это вообще за

психологическая проблема такая?

От этой мысли Чу Юню стало даже смешно.

Он решил: когда Ши Цзянь вернется, если тот снова захочет посетить клинику Цинцзин, он обязательно расскажет ему об этом случае, чтобы вместе посмеяться над доктором.

Ли Чжися поспешно подбежал к компании и вдруг резко запнулся.

Он уставился на человека перед собой, недоуменно хлопая глазами.

- Господин Жуань, - Цзян Кэянь одной рукой бесцеремонно отстранил подошедшего познаться человека и встал перед Жуань Цинжаном, приняв почтительную, официальную позу. - Я отвезу вас домой.

Жуань Цинжан опустил глаза, продолжая попивать вино, и, как и всегда, мягко, почти ласково улыбнулся:

- Прощу прощения, но сейчас мое личное время. Вы кто?

Цзян Кэянь не изменился в лице, его голос оставался ровным, когда он констатировал факт:

- Господин Чу очень беспокоится о вас.

- И что с того? - Жуань Цинжан улыбнулся еще веселее, в его глазах заплясали искры. - Я повторю: это мое личное время. В каком качестве он приказывает мне ехать домой?

Цзян Кэянь промолчал, не найдя подходящего ответа.

Ли Чжися стоял неподалеку, совершенно ошеломленный; глаза его едва не вылезли из орбит от такой дерзости.

Цзян Кэянь заметил его присутствие, помедлил несколько секунд и нахмурился:

- Где господин?

Ли Чжися почувствовал, как у него сжалось горло от напряжения, и смог лишь судорожно указать рукой в сторону, где находился Чу Юнь.

Цзян Кэянь тихо сказал Жуань Цинжану «прошу прощения» и, повернувшись к Ли Чжися, добавил строгим тоном:

- Присматривай за господином.

- Есть! - Ли Чжися вздрогнул и подсознательно выпрямил спину, словно перед командиром.

Осознав, что Чу Юнь тоже присутствует здесь, Жуань Цинжан прищурился, обдумывая ситуацию пару секунд, и дерзкая, колючая улыбка на его лице слегка померкла.

Он больше ничего не сказал, решительно развернулся, растолкал толпу и стремительно направился к выходу.

Цзян Кэянь приготовился следовать за ним, но напоследок снова посмотрел на Ли Чжися.

- Я ничего не видел! - Ли Чжися среагировал мгновенно, почти выкрикнув это.

Цзян Кэянь взглянул на него, коротко кивнул и ушел вслед за доктором.

- Пф, невежды. Только в этот новый проект моего отца было вложено 1,2 миллиарда, - в шумной обстановке У Чао намеренно повысил голос, откровенно хвастаясь. - Видите? Это называется совместная разработка, игра капитала, понимаете?

Он с самодовольным видом стряхнул пепел с сигареты:

- Сейчас, кроме тех нескольких компаний, вроде «Чэньхуа Жунцзин», мы не берем в игру всякую мелюзгу.

- Это точно! То, что просыпается из щелей между пальцами молодого господина У, хватило бы другим на всю жизнь! Кстати, молодой господин У, та кинозвезда с кинофестиваля, вы же говорили...

- Какая еще большая звезда, маленькая звезда? У вас что, только такие интересы? - У Чао сделал глубокую затяжку и презрительно усмехнулся. - Мне что, устроить вам здесь стриптиз-шоу?

- Ха-ха-ха, черт, молодой господин У, вы слишком дерзки! Вы говорите о тех «звездах», которые действительно этим занимаются?

Раздался дружный, грубый хохот.

- А есть разница? - У Чао выдохнул густое облако дыма прямо в лицо своей спутнице, слегка похлопал ее по щеке и высокомерно произнес: - Это вы, люди, возносите их до небес. Какие там топ-звезды? Передо мной они все одинаковы. Если заплатить достаточно, заставь его встать на колени и лизать ботинки - посмотри, как быстро он начнет лизать. Может, даже старательнее всех остальных.

Он что-то вспомнил, презрительно хмыкнул и брезгливо сплюнул:

- Например, тот самый «киноимператор»... не принимайте его всерьез. Если говорить красиво - титулованный император, но вы думаете, им не нужны покровители? Притворяется благородным, а на самом деле это спонсор просто не разрешает ему показываться на людях. А если говорить грубо - он просто высококлассная шлюха...

- А-а-а!!!

Женский визг смешался с резким, оглушительным звуком разбивающегося стекла, который странно и диссонансно прозвучал в ритме танцевальной музыки.

У Чао замер. В лоб ему что-то с силой вонзилось. Вспыхнула жгучая боль, в ушах зазвенело, а вокруг поднялся визг, похожий на звук пилы, режущей дерево.

Он инстинктивно прикрыл лоб рукой и почувствовал, как по векам потекла теплая, липкая жидкость.

- Молодой господин У! Вы в крови!

- Черт! Кто?! Какой сумасшедший?! Охрана!!!

У Чао, пошатываясь, опустил руку и тупо уставился на разбитый стол и воцарившийся вокруг беспорядок.

Только сейчас, словно опомнившись, он яростно выругался:

- Я... твою... мать...

Не успел он закончить фразу, как в голове вспыхнула тупая, сокрушительная боль. Сначала в лицо попал осколок, а теперь его ударили по голове чем-то тяжелым.

Чу Юнь с абсолютно бесстрастным лицом сжимал в руке острый остаток разбитой бутылки. Кровь медленно, тяжелыми каплями стекала с его руки, а сам он смотрел на У Чао с таким ледяным безразличием, словно перед ним лежал уже покойник.

Визг в зале стал еще громче.

Музыка продолжала играть, люди вокруг заметили движение и начали оборачиваться. Менеджер вместе с охраной бежали к эпицентру событий.

Увидев У Чао, менеджер изменился в лице, а обернувшись и осознав, что бьет его именно Чу Юнь, мгновенно стал бледнее мела.

Услышав шум, Ли Чжися тоже побелел от ужаса.

- Чу Юнь? - У Чао, прикрывая голову, повалился на диван, одновременно чувствуя невыносимую боль и жгучую ярость; слезы непроизвольно катились из его глаз.

Он взревел:

- Я, твою мать, с тобой не закончил! Да чтоб ты сдох!

У Ли Чжися зазвенело в голове. Он, не раздумывая, намертво вцепился в Чу Юня, пытаясь удержать его.

- Менеджер! Менеджер!!! - закричал он.

Менеджер, быстро оценив ситуацию, немедленно принял меры: несколько охранников поспешно бросились к У Чао и зажали ему рот, чтобы он замолчал.

Чу Юнь, которого Ли Чжися удерживал изо всех сил, с легким стуком бросил остатки бутылки на пол.

Он не сопротивлялся хватке помощника, а лишь холодно и высокомерно усмехнулся:

- Ли Чжися.

У Ли Чжися волосы встали дыбом от этого тона.

- Пусть отправит меня в тюрьму, - легко, почти буднично произнес Чу Юнь эти страшные слова, глядя сверху вниз на У Чао, который, рыдая, пытался вырваться из рук охраны. - А вы отправьте его вместе с этими 1,2 миллиарда в ад.